

– ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ АЛТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ –

УДК 811.512.157

<https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-4-50-60>

Оригинальная научная статья

Лексикографический труд А. Е. Кулаковского «Русские слова, перенятые и усвоенные якутами»: лингвистический и историко-культурный анализ

С. В. Иванова

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация

 svl.ivanova@s-vfu.ru

Аннотация

Статья представляет собой комплексное исследование работы А. Е. Кулаковского «Русские слова, перенятые и усвоенные якутами (кроме собственных имен и названий)» (1924 г.). Актуальность работы обусловлена необходимостью переосмыслиения научного наследия А. Е. Кулаковского в контексте современных подходов к изучению языковых контактов и языковой политики. В условиях возрастающего интереса к вопросам языковой адаптации и межкультурной коммуникации труд А. Е. Кулаковского приобретает особую значимость как пример системного подхода к описанию процессов заимствования. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые проводится комплексный лингвистический и историко-культурный анализ словаря А. Е. Кулаковского как целостного научного труда. В научный оборот вводится систематизированное описание принципов организации лексикографического материала, выявляются не изучавшиеся ранее аспекты тематической классификации лексики. Методы исследования включают историко-культурный анализ для реконструкции контекста создания труда, описательный метод для характеристики структуры словаря, сравнительно-сопоставительный анализ для выявления фонетических закономерностей адаптации заимствований, а также метод тематической классификации для систематизации лексического материала. Цель работы – многоаспектный анализ лексикографического труда А. Е. Кулаковского, выявление его системообразующих принципов и определение научной значимости. Словарь А. Е. Кулаковского представляет собой не только лексикографический памятник, но и программный манифест, отражающий научную позицию автора в вопросах языкового строительства. Сформулированные в разделе «Правила» закономерности фонетической адаптации демонстрируют системный подход к описанию языковых процессов. Тематическая организация лексического материала позволяет рассматривать словарь как ценный источник для изучения взаимодействия русской и якутской лингвокультур, отражающий глубинные процессы межкультурной коммуникации. Лексикографические принципы Кулаковского сохраняют методологическую ценность, оставаясь актуальным инструментом исследования языковых контактов.

Ключевые слова: А. Е. Кулаковский, якутский язык, русские заимствования, лексикография, языковые контакты, фонетическая адаптация, языковая политика, тюркология, лексикология, историческая лексикология

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Иванова С.В. Лексикографический труд А.Е. Кулаковского «Русские слова, перенятые и усвоенные якутами»: лингвистический и историко-культурный анализ. *Алтайстика. Altaistics.* 2025, № 4 (19), С. 50-60. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-4-50-60>

Original article

Aleksey Kulakovskiy's lexicographic work “Russian Words Borrowed and Assimilated by the Yakuts”: a linguistic and historical-cultural analysis

Sargylana V. Ivanova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

svl.ivanova@s-vfu.ru

Abstract

This article presents a comprehensive study of Aleksey Kulakovskiy's work “Russian Words Borrowed and Assimilated by the Yakuts (Excluding Proper Names and Place Names)” (1924). The relevance of the study is determined by the need to reinterpret Kulakovskiy's scholarly legacy within the context of modern approaches to studying language contact and language policy. Given the growing interest in issues of language adaptation and intercultural communication, the Kulakovskiy's work gains particular significance as an example of a systematic approach to describing borrowing processes. The scientific novelty of the research lies in it being the first comprehensive linguistic and historical-cultural analysis of the Kulakovskiy's dictionary as an integral scholarly work. It introduces into academic discourse a systematic description of the principles for organizing lexicographic material, reveals previously unstudied aspects of the thematic classification of vocabulary, and offers a reassessment of the theoretical significance of the “Rules” section for the development of Yakut linguistics. Research methods include historical-cultural analysis for reconstructing the intellectual context of the work's creation, the descriptive method for characterizing the dictionary's structure, comparative-contrastive analysis for identifying phonetic patterns in loanword adaptation, and the method of thematic classification for systematizing lexical material. The aim of the work is a multifaceted analysis of the Kulakovskiy's lexicographic work, identifying its system-forming principles, and determining its scientific significance. The main conclusions of the study are: the Kulakovskiy's dictionary is not only a lexicographic monument but also a programmatic manifesto reflecting the author's scholarly position on language development issues. The patterns of phonetic adaptation formulated in the “Rules” section demonstrate a systematic approach to describing language processes. The thematic organization of the lexical material allows the dictionary to be viewed as a valuable source for studying the interaction of Russian and Yakut linguistic cultures, reflecting profound processes of intercultural communication. Kulakovskiy's lexicographic principles retain methodological value, remaining a relevant tool for researching language contact.

Keywords: Aleksei Kulakovskiy, Yakut language, Russian borrowings, lexicography, language contact, phonetic adaptation, language policy, Turkic studies, historical lexicology

Funding. The study had not financial support.

For citation: Ivanova S.V. Aleksey Kulakovskiy's lexicographic work “Russian Words Borrowed and Assimilated by the Yakuts”: a linguistic and historical-cultural analysis. *Altaistics*. 2025, No 4 (19), Pp. 50-60. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2025-4-50-60>

Введение

Научное наследие Алексея Елисеевича Кулаковского – основоположника якутской литературы – представляет собой фундаментальный вклад, заложивший основы для становления якутской литературы и научного понимания её языковой основы. Его лингвистические работы, созданные в переломную эпоху 1920-х годов, не только не утратили своей актуальности, но и продолжают служить важным ресурсом для исследования процессов языкового строительства, межкультурной коммуникации и динамики языковых систем в условиях интенсивных контактов. Одним из таких ключевых трудов является его рукописный словарь «Русские слова, перенятые и усвоенные якутами», завершенный в декабре 1924 года в Сеймиченге [1–3].

Данная работа А. Е. Кулаковского долгое время оставалась в тени его литературного и публицистического творчества, однако ее научная ценность непреходяща. Она

была высоко оценена современными и последующими исследователями, такими как Н. С. Григорьев [6, 7] и П. А. Слепцов [8, 9], а материалы словаря активно использовались в фундаментальном исследовании Н. Д. Дьячковского «О фонетическом освоении заимствованных слов в якутском языке» (1962) [10].

Целью настоящей статьи является многоаспектный лингвистический и историко-культурный анализ данного лексикографического труда, выявление его системообразующих принципов и определение его научной значимости. В задачи исследования входит:

- рассмотрение историко-культурного и идеологического контекста создания словаря;
- детальный анализ структуры и композиции труда, а также применяемых автором лексикографических принципов;
- систематизация и подробный разбор лингвистических принципов фонетической и морфологической адаптации заимствований, сформулированных А. Е. Кулаковским в разделе «Правила»;
- тематическая классификация лексического материала;
- оценка вклада труда А. Е. Кулаковского в якутскую лексикографию.

Историко-культурный контекст и научная полемика 1920-х годов

Словарь А. Е. Кулаковского представляет собой уникальное явление в якутской лексикографии, сочетающее в себе черты лексикографического памятника и программного манифеста.

Как лексикографический памятник, словарь зафиксировал историческое состояние языка, сохранив более 2300 заимствований, отражающих интенсивные русско-якутские контакты 1920-х годов. Этот аспект делает словарь ценным источником для изучения не только языка, но и материальной культуры, социальных отношений и мировоззрения якутского общества той эпохи.

Одновременно словарь выполняет функцию программного манифеста, содержащего четкую научную позицию автора по вопросам языкового строительства. А. Е. Кулаковский не просто описывал языковые факты, а предлагал конкретную программу развития якутского литературного языка, основанную на принципах системного подхода к заимствованиям, отрицании языкового пуританства и ориентации на естественное звучание, удобное для носителя якутского языка.

Создание словаря происходило в сложный и противоречивый период становления якутской советской государственности и литературного языка. Как отмечают исследователи [6, 9], в среде якутской интеллигенции шли активные дискуссии о путях развития языка, в центре которых находилась проблема заимствований. С одной стороны, ощущалась острая необходимость в обогащении лексики для выражения новых социально-политических и научно-технических понятий, с другой стороны, существовали сильные опасения по поводу чрезмерного влияния русской лексики и так называемой «порчи» якутского языка.

В этой напряженной полемике А. Е. Кулаковский занял взвешенную, трезвую и научно обоснованную позицию. Он выступал против крайностей «якутизации», справедливо полагая, что идея искусственного ограничения заимствований может привести к застою в развитии якутского языка, и считал, что разумное усвоение русской лексики обогатит язык, не нарушая его структуры. В своих работах он убедительно доказывал: «Нужно, не увлекаясь слишком идеей якутизации, стараться всеми мерами усваивать науки и культурные понятия, а следовательно, и термины из русского языка» [3, с. 47]. П. А. Слепцов характеризовал эту позицию как « дальновидность, реализм А. Е. Кулаковского и трезвый учет им исторических фактов, традиционного благотворного влияния русской культуры и русского языка» [10, с. 95].

Таким образом, его словарь был не просто списком слов, а научно обоснованной программой целенаправленного и системного обогащения якутского языка через заимствование, подчиненное внутренним языковым законам. А. Е. Кулаковский не просто фиксировал языковую реальность, но и предлагал модель ее осмыслинного упорядочивания. Его труд был ответом на запрос времени, попыткой направить стихийный процесс заимствования в управляемое русло.

Результаты многолетних исследований трудов А. Е. Кулаковского, проведенных специалистами в области якутского языкознания, позволили профессору П. А. Слепцову в статье «А.Е. Кулаковский и судьбы родного языка» сделать важный вывод о современном состоянии изученности наследия ученого. Как отмечает исследователь, «труды А.Е. Кулаковского по якутскому языку подверглись довольно подробному разбору и получили достаточно развернутую оценку в работах как историков культуры, так и языковедов» [4, с. 366–407]. Важным достижением современной науки стало установление того, что эти труды «имеют не только историческое, но и непреходящее научное значение» благодаря своим «добротным и во многих случаях уникальным фактическим материалам, и содержащимся в них наблюдениям собственно языковедческого плана».

Однако, по меткому замечанию П. А. Слепцова, в существующих исследованиях «явно недостаточным является конкретно-исторический подход, увязка с конкретно-историческими проблемами того периода, в котором жил и творил А.Е. Кулаковский». В этой связи ученый подчеркивает: «В частности, чтобы по достоинству оценить его работы начала 20-х гг., необходимо рассмотреть их в контексте конкретных проблем культурно-языкового строительства тех лет, проблем начального этапа формирования современного национального литературного языка» [4, с. 366–407].

Таким образом, современная наука стоит перед необходимостью переосмыслиния наследия А. Е. Кулаковского через призму исторического контекста 1920-х годов, что позволит не только адекватно оценить его вклад в развитие якутского языкознания, но и выявить те методологические подходы, которые сохраняют свою актуальность для решения современных проблем языкового строительства.

Структура и принципы лексикографического описания

Труд А. Е. Кулаковского отличается продуманной, логичной и многоуровневой структурой, что свидетельствует о его глубоком понимании задач лексикографии. Композиция работы выглядит следующим образом:

Предисловие (5 стр.) – где автор излагает цели и мотивы создания словаря, а также свои лингвистические взгляды.

Теоретический раздел «Правила» (4,5 стр.) – ключевая лингвистическая часть, содержащая систематизацию фонетических законов адаптации.

Разделы по фонетике: «О произношении якутских звуков» (1,5 стр.) и «О дифтонгах» (0,5 стр.).

Основная часть – Словарь (44 стр.), содержит 2391 слово.

Заключение с двумя цennыми приложениями: «Слова, обратный перевод которых не найден Кулаковским» (30 слов, например, *ампаалык*, *балабыай*, *кулүүппэ*, *маамык*, *одъолуун* и т. д.) и «Слова, взятые русскими, повидимому, от татар и синонимные с якутскими» (23 слова, например, *аманат*, *балаған*, *караул*, *чепрак*, *эсаул*, *ям* и т. д.) (1 стр.).

А. Е. Кулаковский применял ряд оригинальных и строгих лексикографических принципов, что выгодно отличает его работу от простых списков слов:

Принцип отбора лексики. Автор сознательно исключал узкорегиональную, профессиональную и сугубо городскую лексику, фокусируясь на общенародных, усвоенных

словах. Он прямо указывал, что опускал слова, известные только городским жителям, и помечал пометкой «(г)» те, что употреблялись преимущественно ими.

Вариантность. А. Е. Кулаковский тщательно фиксировал различные фонетические варианты одного слова, понимая, что это отражает живую языковую практику. Например, он приводит варианты *аккыыба / аркыыба* ('архив'), *мером(б)үөй / мэрэбиэй*. В случаях, когда вариантность была велика, он отсылал к основному варианту через помету см. (например, *паабырыка* – см. *баабырыка*).

Этимологизация и семантический анализ. Во многих статьях он не только давал перевод, но и указывал происхождение слова (матай – от «мотай»), а также фиксировал семантические сдвиги, произошедшие при заимствовании. Классическим примером является его наблюдение: «*фундамент* у якутов стал *ярусом*, компас стал подзорной трубой (*хампаас*), злодей *сумасшедшем* (*солодьюой буолбут*)» [2, с. 82].

Система помет и тематический анализ лексики. Словарь А. Е. Кулаковского обладает значительным системно-описательным потенциалом, который реализуется, прежде всего, через последовательно применяемую автором систему помет, указывающих на сферу употребления лексики (карт. – карты, древн. сл. – древнее слово). Это создает прочную основу для классификации. Проведенный анализ материала позволяет выделить в составе словаря четко выраженные тематические блоки: общественно-политическая терминология, религия, одежда, пища, административная лексика и др. Подобное имплицитное структурирование материала, осуществляемое через систему помет и общую логику представления примеров, демонстрирует стремление автора к системному охвату и описанию лексики.

Лингвокультурологический анализ

А. Е. Кулаковский отмечал семантические сдвиги заимствований, что является ценным материалом для изучения культурной интерпретации новых понятий. Больше всего его удивило заимствование наречий, «без которых могли бы прекрасно обойтись, и такие слова, которые на своем языке существуют, напр., *«кумаар»* наряду с якутским *«бырдах»*, *«курупаасы»* – наряду с *«хабды»*, *«хабайхаан»* и т. д.» [2, с. 83].

Его удивление большому количеству заимствований (более 2300 против ожидаемой тысячи) и их разнообразию привело его к важному выводу о высокой восприимчивости якутского языка и его носителей к инновациям.

В отличие от словаря Э. К. Пекарского [5], А. Е. Кулаковский не образовывал от одного слова другие формы, например, от имени существительного – имя прилагательное, глагол, деепричастие и т. д., или же редко включал обе формы вместе, например, имя прилагательное и глагол, без использования каких-либо источников, писал все по памяти («на память»), поэтому, как он отмечает, многие заимствованные слова не были включены [3, с. 82–83]. Как справедливо отмечает Н. С. Григорьев, «трудно себе представить, какого упорства требовала эта работа. Ведь велась она в то время, когда еще не был завершен словарь Э. К. Пекарского, основной источник для подобных исследований сегодня». Особого внимания заслуживает принципиальное отличие методологии А. Е. Кулаковского: «Главное же – список, приводимый Кулаковским, целиком состоит из слов, которые якут употреблял в устной речи. В то время как Э. К. Пекарский в дополнительном томе своего словаря регистрирует все русские слова, попавшие в печатные издания на якутском языке. По материалам газет нельзя судить о том, какие слова, перенятые от русских, освоены. Для этого потребуется, в первую очередь, тщательно исследовать лексику крестьянства, как это в свое время сделал Алексей Елисеевич» [3, с. 57].

Данное наблюдение Н. С. Григорьева подчеркивает уникальность подхода А. Е. Кулаковского, который сознательно ограничивал свой материал лексикой, реально освоенной в устной речи якутов, опираясь на непосредственное знание живой речи, а не на письменные источники, благодаря чему обеспечивалась презентативность его материала.

Лингвистический анализ: фонетические законы адаптации

Наибольшую научную ценность, без сомнения, представляет раздел «Правила». Здесь Кулаковский проявил себя как блестящий фонетист и теоретик языка, впервые в якутском языкоznании сформулировав семь основных закономерностей фонетического освоения русских слов. Этот раздел является систематизированным описанием фонологии заимствований, предвосхитившим многие выводы структурной лингвистики.

1. Закон сингармонизма (гармонии гласных)

А. Е. Кулаковский установил, что заимствованное слово полностью подчиняется закону гармонии гласных, характерному для тюркских языков. Все гласные в слове должны относиться либо к «твердому» (заднему), либо к «мягкому» (переднему) ряду. Примеры: *кружево – курунуба, фартук – баартык, горбыль – харбылы; проверка – бэбиэркэ*.

Автор также отмечал, что при выборе гласных играет роль инициатива говорящего, приводя примеры: *собут / сабыат* (‘ завод’), *бодьюус / бадыыыс* (‘возись’), *бакыат – бэкисэт* (‘пакет’).

2. Вставка гласных

Данное правило регулирует невозможность стечения согласных в абсолютном начале слова или появления несвойственных якутскому языку групп согласных. Для их устранения используется «вспомогательный гласный».

Перед начальным [р]: ряд – эрээм, рубль – урууп, рюмка – үрүүмкэ.

Перед начальным [л]: лампа – лаампа (здесь протеза не потребовалась, так как [л] допустим).

В группах согласных: *статья – ыстаратыйа, штопор – устуопар, кровать – қырабаат*.

3. Закон ассимиляции согласных (гармонии согласных)

А. Е. Кулаковский описал явление регressiveной ассимиляции, когда один из двух соседних согласных уподобляется другому по звонкости/глухости или месту образования. Это правило иллюстрируется следующими примерами: *солдат – саллаат, чайник – чаанынык, архиерей – аккырай, гриненник – кирибиньыник*. В примере *архиерей – аккырай* мы видим не только ассимиляцию ([рх] → [кк]), но и выпадение гласного.

4. Удвоение согласных

Автор отметил тенденцию к удвоению некоторых согласных, особенно п и нь, что способствует сохранению ритмической структуры слова и его лучшей интегрированности в якутскую фонетику. Примеры: *сапоги – саптыкы, машина – массыына, терпение – тэртиэннийэ, пельмень – билимиэн*.

5. Выпадение звуков и слов (редукция)

В многосложных заимствованных словах часто наблюдается редукция – ослабление и последующее выпадение отдельных согласных или целых слов для упрощения произношения. Это правило иллюстрируется следующими примерами: *бырыбылыаныыйа (правление) – бырыбыллыыйа, такасааталыстыба (доказательство) – такатаастыба*.

6. Системная замена звуков

Это одно из самых подробно описанных правил. А. Е. Кулаковский систематизировал замену звуков, отсутствующих в фонетической системе якутского языка. Поскольку якутский язык не имеет ряда фонем, существующих в русском языке, при заимствовании происходит их системная замена на акустически или артикуляционно близкие звуки. Кулаковский детально классифицирует эти замены в пяти основных пунктах:

Замена русских губно-зубных и губных согласных: ф, п, в → б / м: *фактура – бохтуура, паспорт – бааспар, француз – боронтуус, фальбора – байбары, фальшивый – бассыабай* и т. д.

Замена шипящих и свистящих: ж, з, ш, щ, ц → с (h), ч: *жалование – саалабанъыыйа, шкаф – ыскаап* и т. д.

Замена начальных согласных: начальные к → х: *календарь – халандаар, кабала – хабала, хаалтыс – галстук*, начальные п → б: *паспорт – бааспар, паиня – баына, большевик – бассабыык, перец – биэрэс* и т. д.

Замена йотированных гласных: *е*, *ё*, *я*, *ю* и *и* перед гласным передавались через сочетание йотированного согласного и гласного: *якорь* – *дъаакыр*, *елка* – *дъуолка*, *юбка* – *дъуунпа*.

Дополнительно Кулаковский указывает на другие возможные замены: т → ч, чч; н → нь, нг, д; б, ф → п; р → л; п → к; г → б, нь; э, ж (перед мягкими) → дь; в → р, х, л; л → н, нь.

Эта система замен демонстрирует строгую закономерность фонетической адаптации, обеспечивающую интеграцию заимствований в фонологическую систему якутского языка. Также он пишет о том, что безударные гласные в середине и конце слова, особенно когда сочетаются несколько согласных, могут выпадать, и более того, в слово может добавляться новый согласный, чтобы произношение было удобным.

Важно подчеркнуть, что А. Е. Кулаковский рассматривал эти изменения не как «порчу», а как естественный и закономерный процесс, подчиненный «определенным законам языка». Он писал: «Зная эти законы, наперед можно переделать данное иностранное слово так, как должен произнести его безграмотный якут. Я, например, с уверенностью могу сказать, что так переделаю любое иностранное слово» [3, с. 80]. Это утверждение свидетельствует о его глубоком понимании системности языковых явлений.

А. Е. Кулаковский, представив собственную систему транскрипции в сопоставлении с системами Д. Хитрова, О. Н. Бётлингка и Академии наук и С. А. Новгородова, составил приложение «Параллель между разными якутскими транскрипциями» [3, с. 87–88]. Хотя автор отдавал предпочтение русской графической основе, он сознательно использовал буквы латинского алфавита, чтобы не возник раскол в научной среде.

А. Е. Кулаковский подробно обосновал, почему не принял следующие принципы транскрипции С. А. Новгородова:

1. Передача дифтонгов двойными начертаниями.
 2. Активное использование диакритических знаков (умляутов) над буквами.
 3. Недостаточность одной графемы для передачи разных звуков ($m = q$).
 4. Полное отсутствие знаков препинания он назвал «чистейшим абсурдом», особо подчеркнув их важность для письменной речи.

5. Размещение знака долготы не над буквой, а между буквами, что, по его мнению, предотвращает случайный пропуск этого знака при письме.

Кроме того, он составил отдельное приложение под названием «Транскрипция Кулаковского» [2, с. 88]. Здесь он разделил гласные и согласные звуки. Гласные звуки он разделил на две группы: 1. чистые твердые гласные («чистые твердые»): а, о, у, ѿ и мягкие гласные: а, о, ю, и. 2. Дифтонги («сложные звуки» («сложные»): ы, œ, е, е. Включил 22 согласных звука: b, d, з, к, л, м, н, s, ʃ, n, l, ɿ, n, I, c, ..., n, h, j, q, ɿ, x, m=m. В конце свел все вместе и включил под названием «Алфавит». В примечании под приложением он дополнительно указал, с каких звуков слово не начинается, и поэтому они не пишутся с заглавной буквы.

В части своей работы «О произношении якутских звуков» [2, с. 88–89] А. Е. Кулаковский исследовал, как произносятся якутские звуки, сравнив с русским, французским, английским языками, разделив на 13 пунктов.

В части под названием «О дифтонгах» рассмотрены четыре якутских дифтонга: [ы], [ую], [иэ], [үө], написано, на какие звуки русского языка они похожи, приведены примеры.

Тематическая классификация лексики и культурологический аспект

Проведенный нами анализ лексического материала словаря позволяет выделить в его составе устойчивые тематические группы, что дает основания рассматривать труд А. Е. Кулаковского как ценный этнолингвистический источник. Лексика, собранная автором, комплексно отражает различные сферы жизни якутского общества периода активной модернизации и культурной интеграции.

Социально-политическая и административная лексика составляет значительный пласт заимствований, отражающий интеграцию Якутии в российскую государственную систему. В эту группу входят такие единицы, как *губернатор – күбүрнээтэр, гражданин – кырасданыын, комитет – хамытыақ, контракт – хантараақ, депутат – дъокутаат, штаб – ыстаап, чиновник – чонуобуньнуук, судья – сүүдүйя, свидетель – сибидиэтэл* и т. д. Наличие и активное употребление данной лексики свидетельствуют о глубоком проникновении новых социальных институтов в жизнь якутского общества.

Религиозная лексика представляет пласт заимствований, связанных с христианством, и демонстрирует масштабы культурно-религиозного влияния. К этой группе относятся: *апостол – оптуостал, архиерей – аккырыай, аминь – аамын, ангел – аанынъал, антихрист – амтыын-кырыыс, Богородица – Бодроодбүсса, православный – бырыбысылаабынай, псалтырь – саалтыыр, благословение – былаастабыаньныйа, крещение – кириэнзиэнныйэ, ладан – лаадан, монах – манаах, монастырь – манастыыр, трапезник – тэрэпиэниньниык, Рождество И.Х. – Ороңуоспа, Оросуостуба, Евангелие – Нырмааньнаалыя, Христов день – Кирстиэс, дьячек – лөчүөк, дъөчүөк и т.д.*

Лексика материальной культуры отличается наибольшим разнообразием:

Одежда и ткани: *картуз – хортуус, галоши – холуона, шляпа – сэлээппэ, бумага – мамаңыай, сукно – суккуна, шаль – саал былаат, брезент – бирин(с)иэн, перчатки – бэрчээки, даба – даба, лаба, юбка – дъууппа, кепка (головн. убор) – киэнкэ, ковер – көбүөр* и т. д.

Пища: *пирожки – бэрэски, билимиэн – пельмень, оладьи – алаады, урупа – куруупа, крупчатка – куруупчаакы, конфект – кэмпиэт, колбаса – халбасы, конъяк – ханъяах, пирожки – бэрэскии, чай – чэй, кэтилиэт – котлет, кэмпиэт – конфект, лэппээски, лэппиэскэ – лепешка* и т. д.

Предметы быта, посуда: *лампа – лаампа, шкаф – ыскаап, чугун – чугуун, зеркало – сиэркилэ, көстүруункэ – кастрюля, курууска – кружска (посуда), күнкүлээр – футляр для чашек* и т. д.

География и этнография: *Россия – Арассыыйа, Восточная Сибирь – Бостуонускай, Бостуочунай, Япония – Дьоппуюон, Китай – Кытай, Германия – Нырмааньныйа, Сибирь – Сибири* и т. д.

Флора и фауна: *кислица – кииһилэ, кэшиилэ, конопля – көлөпүүнэ, гималайский ячмень – нынбаараскай, камыш – хамыс, рябина – эрэбинэ (сарбынъях), евразска – дъабарааскы, куропатка – куруупааскы (хабды, хабайхаан), курица – кууруусса, куруумса, тарбаган – таарбааан (тонооччу, чаамык), мамонт – мааман (уу охсо, от «обуна»), «клопы»: клоп – кулахы – «клопы»: клоп, комар – кумаар (бырдах)* и т. д.

Научно-техническая и образовательная лексика связана с распространением грамотности и знаний: *карандаш – хаарандаас, аптека – эмтиэкэ, доклад – дакылаат, фабрика – баабырыка, архив – аркыыба, электричество – элэктричэстибэ, чэр(ч)чи – от «черта»: циркуль, чэрэниилэ (харыянчаба) – чернила, чэрэниилиссэ – чернильница, чэччилээ – черти циркулем* и т. д.

Военная лексика включает: *пистолет – бэстэлиэт, динамиит – динамит, хамаарда – команда, народ, граната – кыранаат, генерал – ныадараал, капитан – хаппытаан, командир – хамардыыр, болкуобунынъук – полковник, хамынаар – комиссар и т. д.*

Анализ тематических групп демонстрирует, что процесс заимствования имел не поверхностный, а глубинный характер, затрагивая ключевые сферы жизнедеятельности общества. Словарь А. Е. Кулаковского фиксирует важный исторический момент активного взаимодействия и взаимопроникновения русской и якутской культур, отражая сложные процессы социокультурной адаптации.

Заключение

Словарь А. Е. Кулаковского является ценным лексикографическим памятником своей эпохи. Труд Кулаковского зафиксировал более 2300 слов, отражающих состояние якутского языка 1920-х годов в период интенсивных контактов с русской культурой. На этом уровне словарь представляет собой важный источник для историков языка, этнографов и лингвистов, документально сохранивший срез языковой реальности и отразивший изменения в быту, культуре и социальном устройстве якутского общества.

Проведенный комплексный анализ работы А. Е. Кулаковского «Русские слова, перенятые и усвоенные якутами» позволяет сделать ряд выводов о ее научном и культурном значении.

Теоретико-лингвистическое значение. Труд А. Е. Кулаковского является первым в якутском языкоznании систематическим описанием фонетики заимствований. Сформулированные им «Правила» представляют собой целостную теорию адаптации иноязычной лексики, основанную на глубоком понимании системных закономерностей якутского языка. Эти правила не утратили своей актуальности и сегодня, служа надежным инструментом для анализа исторической фонетики и современных процессов заимствования. Его работа предвосхитила многие положения лингвистики и теории языковой интерференции.

Лексикографическое новаторство. А. Е. Кулаковский заложил методологические основы для последующих словарей заимствованной лексики, продемонстрировав важность учета вариантистики, этимологии, семантических сдвигов.

Историко-культурная и этнолингвистическая ценность. Словарь представляет собой уникальный срез эпохи, бесценный источник для изучения истории якутской культуры, социальных отношений, материального быта и духовной жизни конца XIX–начала XX вв. Он демонстрирует механизмы и глубину русско-якутских культурных контактов, показывая, как заимствованные понятия не просто перенимались, но и творчески переосмыслились, встраиваясь в традиционную картину мира.

Общественно-политическая значимость. Работа А. Е. Кулаковского – это не только научное исследование, но и яркий пример взвешенного и ответственного подхода к сложным вопросам языкового строительства. В условиях острой идеологической полемики он сумел отстоять путь конструктивного диалога культур, обосновав необходимость и естественность заимствований как источника обогащения родного языка при строгом соблюдении его внутренних законов.

Таким образом, работа А. Е. Кулаковского «Русские слова, перенятые и усвоенные якутами» сохраняет статус важного междисциплинарного ресурса, актуального для лингвистики, этнографии и истории культуры. Его ценность заключается в демонстрации того, как лингвистический анализ может стать основой для гуманитарного исследования процессов межкультурной коммуникации.

Литература

1. Рукописный фонд архива ЯНЦ СО АН, ф.4, оп.26, д. 1:2-90.
2. Кулаковский А.Е. *Статьи и материалы по якутскому языку*. Якутск: Кн. изд-во; 1947.
3. Кулаковский А.Е. *Труды по якутскому языку*. Якутск: Якутия; 2017:280.
4. Слепцов П.А. А.Е. Кулаковский и судьбы родного языка. В кн.: Иванов В.Н. (ред.) *Кулаковский и время*: сборник научных трудов. Москва: Арт-Флекс; 2003:366-407.
5. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка* = (Wörterbuch der jakutischen Sprache von Ed. Pekarskij). Вып. 1–3. URL: <https://e.nlrs.ru> (дата обращения: 13.11.2025).
6. Григорьев Н.С. Значение трудов А.Е. Кулаковского по якутскому языку. *Полярная звезда*. 1969;(2):130–134.
7. Григорьев Н.С. Значение трудов А.Е. Кулаковского по якутскому языку. В кн.: Кулаковская Л.Р. *Кулаковский А.Е. Труды по якутскому языку*. Якутск: Якутия; 2017:51–59.
8. Слепцов П.А. Работа Кулаковского «Русские слова, перенятые и усвоенные якутами». В кн.: Башарин Г.П. (ред.) *Кулаковский: Сб. докл. к 85-летию со дня рождения А.Е. Кулаковского*. Якутск, 1967:74-79.
9. Слепцов П.А. Труды А.Е. Кулаковского по якутскому языку в аспекте проблем литературного языка 20-х гг. В кн.: Слепцов П.А. *Төлкөнү түстүүр төрөөбүт тыл* (*Судьба наша – язык родной*). Якутск: Северовед; 1999:82-86.
10. Дьячковский Н.Д. *О фонетическом освоении заимствованных слов в якутском языке*. Якутск: Кн. изд-во; 1962:72.

References

1. Manuscript collection of the archive of the Yaroslavl Scientific Center SB AN, f.4, op.26, d. 1:2–90 (in Russian).
2. Kulakovskiy A.E. *Articles and materials on the Yakut language*. Yakutsk: Book publishing house; 1947 (in Russian).
3. Kulakovskiy A.E. *Works on the Yakut language*. Yakutsk: Yakutia Media Holding; 2017:280 (in Russian).
4. Sleptsov PA. A.E. Kulakovskiy and the fate of the native language. In: Ivanov VN. (ed.) *Kulakovskiy and time*: collection of scientific works. Moscow: Art-Flex; 2003:366–407 (in Russian).
5. Pekarsky E.K. *Dictionary of the Yakut language* = (Wörterbuch der jakutischen Sprache von Ed. Pekarskij). Vol. 1–3. Available at: <https://e.nlrs.ru> (accessed: 13 November 2025).
6. Grigoriev N.S. The significance of A.E.’s works Kulakovskiy on the Yakut language. *Polar Star*. 1969;(2):130–134 (in Russian).
7. Grigoriev N.S. The significance of A.E.’s works Kulakovskiy on the Yakut language. In: Kulakovskaya LR. *Kulakovskiy A.E. Works on the Yakut language*. Yakutsk: Yakutia Media Holding; 2017:51–59 (in Russian).
8. Sleptsov P.A. Kulakovskiy’s work “Russian words adopted and adopted by the Yakuts.” In: Basharin G.P. (ed.) *Kulakovskiy: Collection of reports for the 85th anniversary of the birth of A.E. Kulakovskiy*. Yakutsk, 1967:74–79 (in Russian).
9. Sleptsov P.A. Works of A.E. Kulakovskiy on the Yakut language in the aspect of problems of the literary language of the 20s. In: Sleptsov P.A. *Telkeny tystyrr teryt tyl* (*Our destiny is our native language*). Yakutsk: Severoved; 1999:82–86 (in Russian).
10. Dyachkovsky N.D. *On the phonetic development of borrowed words in the Yakut language*. Yakutsk: Book publishing house; 1962:72 (in Russian).

Сведения об авторе

ИВАНОВА Сарылана Владимировна – к. филол. н., доц. каф. стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3442-359X>, SPIN: 8085-8390, svl.ivanova@s-vfu.ru

About the author

IVANOVA Sargylana Vladimirovna, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3442-359X>, SPIN: 8085-8390, e-mail: svl.ivanova@s-vfu.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest

Поступила в редакцию / Submitted 12.11.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.12.2025

Принята к публикации / Accepted 26.12.2025